

УДК 21/29

ББК 86.29

М 89

А.А. Музалёв

К вопросу о географии религий и о понятии «религиозная геосистема» в географическом исследовании

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о необходимости расширения комплексных исследований по географии религий, даётся обоснование понятий «религиозная геосистема» и «религиозная инфраструктура», определяются основные элементы понятий. Предлагается рассматривать «религиозную геосистему» как объект исследования географии религий.

Ключевые слова:

Гуманитарная география, география религий, объект исследования, геосистема, религиозная геосистема, комплексный подход, религиозная инфраструктура.

Обращение всё большего числа современных российских географов к исследованиям в области гуманитарной (социально-экономической) географии, обусловлено структурными сдвигами отечественной географической науки в сторону «очеловечивания» и «социализации». Подобная трансформация этой области человеческого знания в СССР и России явилась результатом длительного исторического развития. Ещё в 1930 г. Н. Н. Баранский высказывал мысль о необходимости создания «социогеографии». Но, коренного поворота «к человеку» в работах советских географов не происходило, население, по-прежнему, рассматривалось лишь как фактор материального производства или объект потребления продукции. В работе, датированной 1946 годом, Баранский писал: «В каких домах живут люди данной страны, чем они питаются, во что верят и как проводят свободное время – обо всём этом наши современные географические описания умалчивают... Человек – тема для наших географов определённно неприятная, щекотливая, тема, которой предпочитают не касаться. Как-никак, а в результате «человека забыли»!!!»¹. Подобная тенденция оставалась неизменной вплоть до конца 1970-х годов, когда экономическая география стала официально именоваться «экономической и социальной»², что было обусловлено социологизацией общественной практики. Но лишь в начале 1990-х годов, стали появляться географические работы, посвященные именно «социальным» аспектам деятельности человека.

Современные российские гуманитарные географы находятся в положении «догоняющих» по отношению к коллегам на Западе. Достаточно упомянуть французскую «антропогеографическую» школу, созданную Э. Реклю ещё в начале XIX в.³, а, например, в США география относится к гуманитарным наукам⁴, что явно обусловлено характером исследований. Но, «лиха беда начала» и российская география в скором времени «догонит и перегонит» Запад по количеству и качеству гуманитарных исследований. Тем более что, в дореволюционной России выходили работы социогеографического характера ученых с мировыми именами: Л. И. Мечникова, П. П. Семёнова Тян-Шанского, Н.Н. Миклухо-Маклая и др.⁵.

Тематика современных социально-географических исследований достаточно обширна: от географии типов расселения до электоральной и культурной географии. При всём при этом, вопросы географии религий остаются обделёнными вниманием «достопочтенной географической публики», а как видится зря! Некоторая неоднозначность и щекотливость объекта исследования отпугивает от изысканий не только молодых, но и опытных социогеографов. Хотя, достаточно включить любой новостной телевизионный канал – осознание необходимости исследований в области географии религий придёт само собой. Однако имеющиеся немногочисленные работы остаются «формально-энциклопедистскими»: «там-то верят в то-то, те-то поклоняются тому-то», а современность требует конкретных и динамичных исследований, отражающих реальную картину действительности.

Думается, что для достойного ответа вызовам времени, исследования в области географии религий должны отвечать как минимум на ряд нижеследующих вопросов:

- каков генезис и историко-географические особенности формирования конфессиональной системы на определенной территории;
- какова этническая основа функционирования конфессиональной системы на той или иной территории;
- каково современное состояние конфессиональной системы территории (религиозная инфраструктура, этноконфессиональные взаимодействия, факторы влияния и т.д.);
- каковы перспективы функционирования конфессиональной системы территории.

Комплексный характер требований к исследованию должен иметь адекватный ответ, в виде работ носящих комплексный характер и имеющих комплексный объект исследования. Поэтому считаем логичным, определить объект исследования географии религий как «религиозную геосистему».

Термин «геосистема» предложил в 1963 г. Б. В. Совава. Он считал, что понятие «геосистема» охватывает весь спектр географических объектов – от географической оболочки до элементарных структурных подразделений. Понятие «геосистема» содержит особый акцент на системную сущность объекта, на его принадлежность к

системам как универсальной форме организованности в природе и обществе⁶.

Геосистема обладает одновременно свойствами континуальности и дискретности. Континуальность в геосфере и социосфере обусловлена взаимопроникновением ее компонентов, потоками вещества, энергии и информации, глобальными круговоротами, т. е. процессами интеграции. Дискретность – проявление процессов дифференциации компонентов, обусловлена внутренней структурой системы, в которой отдельные части выполняют свои функции в составе целого. Дифференциация и интеграция осуществляются одновременно и должны рассматриваться в диалектическом единстве. Нередко один и тот же компонент выполняет обе функции. Например, конфессиональная принадлежность индивида может выполнять дифференциально-интегрирующую функцию в отношениях с другими индивидами, группами, социальными институтами. Интеграция способствует сохранению, дезинтеграция – ослаблению стабильности, устойчивости личности, отдельных социальных групп, учреждений и общества в целом. Интегрирующая функция выполняется в тех пределах, в которых признается более или менее единое, общее вероисповедание. Если же в религиозном сознании и поведении личности обнаруживается не согласующиеся друг с другом тенденции, если в социальных группах и обществе имеются различные, да еще и противостоящие друг другу конфессии, религия выполняет дезинтегрирующую функцию.

Важнейшим свойством геосистемы является ее *комплексная целостность*. Это значит, что систему нельзя свести к простой сумме компонентов. Например, характеризуя структуру конфессиональной системы Северного Кавказа, нельзя “через запятую” перечислять основные конфессии макрорегиона, необходимо каждую конфессию рассматривать через призму её взаимодействия с другими. Из их взаимодействия возникает качественно новое образование, оказывающее комплексное влияние на прочие составляющие социума⁷. В то же время, геосистемы относятся к категории открытых систем, пронизанных потоками вещества, энергии и информации, связывающими их с окружающей природной и социальной средой. При взаимодействии компонентов происходит их взаимное преобразование.

Рассматривая религию как геосистему, необходимо выделять в ней наиболее “географические” компоненты, которые могут иметь определенную территориальную приуроченность, характеризовать прочие элементы социального ландшафта, являться организующей и преобразующей силой социокультурной жизни населения определенной территории. К ним, считаем возможным отнести: *религиозные институты и их последователей, религиозную инфраструктуру* – материальную базу отправления культа, *территориальные особенности религиозного культа*, а также *религиозные ценности*, как один из важных рубежных компонентов территориальных этноконфессиональных комплексов.

Последователи определенного вероисповедания составляют религиозную общность. В рамках общности на основе различных видов деятельности – культовой и внекультовой – выделяется целая система религиозных субгрупп. Существование и функционирование религиозной

общности как единого целого обеспечиваются *религиозной организацией или институтом*. Строение религиозной организации (института) предписывается традицией и обычаем, церковным правом или уставом, апостольскими правилами, конституциями и т.д. Организационные принципы определяют ее составные части, совокупность позиций и ролей, правила субординации и координации деятельности индивидов и отдельных звеньев организации, узлы деятельности и соответственно группы деятелей, призванные обеспечить единство объединения (института)⁸.

Первичной ячейкой религиозного объединения (института) является *религиозная община и её члены*, над общинами надстраивается комплекс звеньев вплоть до высшего звена – центра объединения (института). Набор организационных элементов, их взаимосвязи, распределение позиций и ролей, управленческие и исполнительные органы, механизмы контроля различны в различных религиях, конфессиях, в объединениях разных типов. Например, в Адыгее основными типами формальных религиозных объединений являются: церковь, присущая православия и, с определённой степенью условности (атрибутивной, но не сущностной), исламу; и секта, присущая большинству протестантских организаций; деноминационный тип организаций характерен для отдельных протестантских объединений. Велика вероятность наличия в республике и неформальных религиозных организаций без официальной регистрации¹⁰.

В общепринятом определении, понятие “*инфраструктура*” включает в себя комплекс хозяйственных и культурных объектов и отраслей, обслуживающих производственную и иную деятельность человека, составляющих его подоснову. Инфраструктуру принято делить на собственно производственную и социальную. Последняя включает сферу обслуживания, здравоохранения, образования, культуры и т.п. – все сооружения, учреждения, сети, организации, составляющие материальную основу формирования социальной среды жизни человека⁹. А поскольку, на современном этапе наблюдается пик развития одной из главных составляющих культуры этносов и, следовательно, их социальной среды – религии, считаем уместным, ввести понятие “*религиозная инфраструктура*”¹¹.

Следуя содержанию определения понятия “инфраструктура”, составными компонентами “религиозной инфраструктуры” считаем: культовые здания и сооружения (мечети, соборы, буддийские храмы, часовни, моленные дома и т.п.), религиозные образовательные учреждения (медресе, семинарии, воскресные школы и т.п.), религиозные организации низового звена (приходы, джамааты, общины, секты и т.п.), религиозные центры (монастыри, дацаны и т.п.), служителей культа (священников, мулл, лам, пресвитеров и др.). К количественным характеристикам “религиозной инфраструктуры” относим: количество верующих на 1 служителя культа, количество верующих на 1 культовое сооружение, плотность культовых сооружений (количество сооружений на 1 км²), количество религиозных образовательных центров, количество религиозных организаций и т.д.

Религиозная инфраструктура является наиболее показательным компонентом религиозной геосистемы. Так

как, именно на остове оценки её качественных и количественных характеристик, а также территориального размещения, возможен анализ текущего состояния и перспектив развития всей геосистемы. Кроме прочего, религиозная инфраструктура является объектом исключительно географической науки, так как другие компоненты “религиозной геосистемы” относятся скорее к сферам социологии, философии и религиоведения.

Современный Мир – это сложная система множества мощных культур, каждая из которых характеризуется собственной национальной идеей, своеобразной иерархией этнокультурных ценностей, сложной системой взаимоотношений и взаимодействия традиционных культурных институтов и религиозно-конфессионального сознания. В процессе их взаимовлияния могут формироваться особые *территориальные формы функционирования религиозного культа*, носящие как атрибутивный, так и сущностный характер. Например, в Адыгее на основе этнокультурной специфичности сформировался особый тип функционирования религиозных геосистем. У адыгов это можно проследить, анализируя взаимодействие религиозных институтов и этнофеномена “адыгагъэ”. По мнению С. А. Ляужева¹², у адыгов религиозные системы никогда не являлись абсолютным регулятивом, и интегрирующую функцию выполняло, в первую очередь, “адыгагъэ”. “Адыгагъэ” помогло адыгам достаточно органично воспринять ислам, но не мусульманскую ортодоксию и не мусульманскую мистику (суфизм), а мусульманство как тип жизни и обрядности. Регулятивная функция реализуется системой “адыгагъэ” во многих сферах жизни адыгов гораздо активнее, чем конфессионализованной религией.

Таким образом, исследования по географии религий должны стать неотъемлемой частью научного поиска в системе гуманитарной географии, дисциплины отражающей пространственно-временные аспекты функционирования социума. Использование теоретических концептов “религиозная геосистема” и “религиозная инфраструктура” позволяет отражать объективную картину генезиса, современного состояния и перспектив религиозных систем, как при исследованиях отраслевого характера, так и при региональных обзорах. Исследования автора

по географии религий проводятся на основе обозначенной концепции.

Примечания:

1. Баранский Н. Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Избр. тр.: Научные принципы географии / Н. Н. Баранский. – М.: “Наука”, 1980. – С. 21.
2. Максаковский В. П. Географическая культура / В. П. Максаковский. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1998. – С.33.
3. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем / Ю. Г. Саушкин. – М.: “Просвещение”, 1980. – С. 83.
4. Джонстон Р. Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. / Р. Дж. Джонстон. – М.: “Мир”, 1987. – С. 239-240.
5. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – М.: “Экопрос”, 1995. – 296 с.
6. Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах / В. Б. Сочава. – Новосибирск: “Наука”, 1978. – 197 с.
7. Православие в исторических судьбах Юга России / Южно-российское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 20. Сборник статей. Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 288 с.
8. Основы религиоведения: учеб. / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, К. И. Никонов и др.; под ред. И. Н. Яблокова. – М.: “Высшая школа”, 2000. – 480 с.
9. Материалы Управления Министерства юстиции РФ по Республике Адыгея.
10. Новая Российская Энциклопедия в 12 т. / Редкол.: А. Д. Непикелов, В. И. Данилов-Данильян, В. М. Карев и др. – М.: ООО «Издательство “Энциклопедия”», 2004 – Т. 1: “Россия”. – 2004. – 960 с.
11. Ранее термин использовался в работах Дружинин А. Г. Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы / А. Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа.– Ростов н/Д, 2000. № 2. и Шоров М. А. Ислам на Юге России: геокulturологический аспект: Автореф. дис... канд. геогр. наук / М. А. Шоров. – Ростов н/Д, 2001. – 31 с., но без теоретических обоснований и в несколько ином контексте.
12. Ляужева С. А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность: филос. – культурол. анализ / С. А. Ляужева: Сев. – Кав. науч. центр Высш. школа; Адыг. гос. ун-т. – Ростов н/Д; Майкоп: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 184 с.